

Изъ семейной хроники.

Мои воспоминанія о турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ.

Въ 1877 году я состоялъ причисленнымъ къ Государственной Канцеляріи, куда поступилъ въ 1875 году, по окончаніи кандидатомъ правъ курса С.-Петербургскаго Университета, и куда былъ принятъ вслѣдствіе записки великой княгини Александры Петровны къ Маріи Александровнѣ Сольской, супругѣ тогдашняго Государственнаго Секретаря Д. М. Сольскаго. Въ концѣ 74 года, узнавъ однажды отъ брата Александра, который былъ въ ту пору адъютантомъ великаго князя Николая Николаевича, что я еще не на службѣ, великая княгиня приказала мнѣ прійти къ себѣ и, принявъ меня въ своей большой гостиной, спросила, отчего я не служу; я отвѣтилъ, что желалъ бы поступить въ Государственную Канцелярію, но что туда безъ особой рекомендаціи поступить трудно.

— А кто тамъ начальникъ?

— Д. М. Сольскій,—отвѣтилъ я.

— Я его мало знаю,—сказала великая княгиня,—но знаю гораздо больше его супругу и, если вы хотите, я ей напишу, надѣюсь, что моя рекомендація поможетъ.

Я поблагодарилъ, поцѣловалъ ручку и откланялся.

Черезъ нѣсколько дней я былъ вызванъ къ Д. М. и былъ опредѣленъ на службу съ предупрежденіемъ, что штатнаго мѣста мнѣ придется подождать года два. Мнѣ пришлось его совершенно не дожидаться,—но такъ поступилъ я на службу.

Великому князю и великой княгинѣ мы были извѣстны съ дѣтства. Въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ собст-

венный домъ родителей моихъ на Англійской набережной былъ извѣстнымъ домомъ въ Петербургѣ; они принимали довольно много и у нихъ бывало высшее общество того времени; я въ дѣтствѣ, помню, видалъ въ родительскихъ гостиныхъ старуху графиню Разумовскую, Бутурлиныхъ, Демидовыхъ и многихъ другихъ представителей тогдашней знати. Старшаго брата Александра крестилъ лично Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, будущій Царь Освободитель, брата Алексѣя—Великій Князь Михаилъ Павловичъ, самаго младшаго брата Михаила Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, въ Петергофѣ. Матушка была старшей дочерью генералъ-адъютанта Арбузова, командира пѣхотнаго гвардейскаго корпуса, фрейлина Императрицы Александры Ѳеодоровны и слыла красавицею. Когда отстроился Николаевскій дворецъ (нынѣшній Ксеніинскій институтъ), родители возили хлѣбъ-соль его хозяевамъ. Вскорѣ послѣ этого великій князь былъ посаженнымъ отцомъ у старшей сестры моей Александры Петровны, вышедшей замужъ за Михаила Николаевича Теренина, по поводу чего мы были очень грустны и много плакали. Великій князь пріѣхалъ за невѣстою въ каретѣ четверикомъ на выносъ и везъ ее въ Благовѣщенскую церковь, я несъ образъ и сидѣлъ въ каретѣ.

Въ одну изъ слѣдующихъ зимъ матушка сказала намъ, т. е. брату Эмануилу, съ которымъ мы росли, и мнѣ, что мы будемъ ѣздить въ Николаевскій дворецъ дѣлать гимнастику и танцевать съ молодымъ великимъ княземъ, что ее объ этомъ просила великая княгиня Александра Петровна. Съ тѣхъ поръ мы цѣлый рядъ лѣтъ до самаго отъѣзда въ Екатеринославъ, въ 67 году, бывали во дворцѣ и зимою и лѣтомъ, когда жили въ Петергофѣ по сосѣдству со Знаменкой, въ которую ѣздили почти ежедневно. Зимою бывали во дворцѣ вмѣстѣ съ нами Николай и Павелъ Родзянки и Вилламовъ, лѣтомъ же въ Знаменкѣ мы одни. Гувернеръ нашъ М. Жакель снималъ для великаго князя фотографіи видовъ Знаменки и лошадей его конюшни (тогда фотографія у насъ только-что распространялась), и мы утромъ гуляли и завтракали близъ приморскаго домика, гдѣ великая княгиня иногда сама съ нянюшкою молодого великаго князя—Бушинскою, готовила намъ завтракъ. Это были счастливые годы супружества великаго князя. — Онъ былъ еще молодъ, но уже командовалъ войсками Петербургскаго округа. Красавецъ собою, унаслѣдовавшій благородную осанку Императора Николая Павловича, онъ былъ величественъ и въ то же время простъ и ласковъ въ обхожденіи, онъ при-

вязывалъ къ себѣ людей и былъ беззавѣтно любимъ приближенными. Въ тотъ годъ, когда онъ былъ назначенъ генераль-инспекторомъ кавалеріи, онъ однажды часовъ въ 9 вечера пріѣхалъ на лошадяхъ изъ Краснаго Села и по дворцу слышался его звонкій, веселый голосъ. Мы пили вечерній чай у великой княгини, на ея половинѣ, и она угощала насъ разнымъ вареньемъ своего издѣлія, сорта котораго она cadaго изъ насъ заставляла требовать по своему выбору. Поздоровавшись со всѣми (мы всегда цѣловали великаго князя въ плечо, а онъ насъ въ лобъ), онъ сказалъ намъ съ торжествомъ:

— Поздравляю васъ, Мануша и Ануша—я взялъ вашего брата Сашу къ себѣ въ адъютанты, Государь утвердилъ. Мануша, пиши ему депешу, гдѣ онъ, въ какой деревнѣ? (братъ былъ въ ту пору поручикомъ Конной Гвардіи и находился въ отпуску въ Тарасовкѣ).

Подали телеграфныя бланки, но великая княгиня нагнулась къ великому князю, что-то сказала ему, и онъ сталъ писать самъ.

— Онъ должно быть сейчасъ пріѣдетъ, какъ думаете?—сказалъ онъ, окончивъ писать.

Мы сказали, что не знаемъ.

Въ слѣдующій пріѣздъ мы узнали, что братъ Александръ, отвѣчая, спросилъ, когда ему прикажетъ быть великій князь. Такъ произошло назначеніе брата Александра, которымъ обозначилась его затѣмъ сравнительно блестящая военная карьера.

Поѣздки въ Знаменку скрашивали нашу жизнь въ Петергофѣ, гдѣ мы оставались нѣсколько разъ одни съ гувернеромъ, пока родители ѣздили въ Малороссію. Часто мы катались съ великимъ княземъ и великой княгиней по петергофскимъ паркамъ и ѣздили на музыку. Зимами мы два раза въ недѣлю дѣлали гимнастику въ большой нижней залѣ дѣтской половины Николаевского дворца съ великимъ княземъ младшимъ и бывали тамъ каждый праздникъ.

На рожденіе младшаго великаго князя однажды былъ большой съѣздъ, была почти вся Царская фамилія, самъ Государь Александръ Николаевичъ танцевалъ кадрили съ принцессою Ольденбургскою (сестрою великой княгини Александры Петровны), и все это общество изъ дѣтей и взрослыхъ танцевало подъ звуки стѣннаго органа, который крутилъ, что называется, во всю ивановскую, великій князь Николай Николаевичъ старшій.

Когда въ 67 году родители изъ Ларинской гимназіи взяли

насъ въ Екатеринославскую, переѣхавъ на жительство въ Малороссію, отношенія эти пресѣклись, но въ 1869 г., когда мы возвратились въ Петербургскій университетъ, мы вновь, хотя и изрѣдка, встрѣчались и видѣлись съ хозяевами Николаевского дворца.

Осенью 1876 года армія была мобилизована и приведена на военное положеніе, и великій князь, назначенный Главнокомандующимъ, зимоваль въ Кишиневѣ со своимъ штабомъ. Онъ перенесъ тамъ тяжелую болѣзнь, вселившую столько опасеній не только любившей его арміи, но и всему русскому обществу.

Я служилъ въ Государственной Канцеляріи и оставался въ Петербургѣ одинъ; матушка съ сестрою переѣхала въ Петербургъ, если не ошибаюсь, лишь въ слѣдующую зиму. Зимой братъ Александръ пріѣзжалъ курьеромъ къ Государю, и я помню, что былъ поставленъ въ большое затрудненіе, когда однажды Государь потребовалъ его въ 6 часовъ вечера, а его не было дома. Я бросился по городу и нашелъ его у Маріи Александровны Топорниной, откуда онъ мигомъ схватился и полетѣлъ во дворецъ. Братъ рассказывалъ, что Государь, между прочимъ, велѣлъ передать удовольствіе свое по поводу примѣрнаго поведенія и образа жизни главной квартиры, гдѣ нѣтъ ни кутежа, ни картъ. Помню еще, что брата удивило, что во время этой аудіенціи Государь, уронивъ подъ письменный столъ папироску—*magiland*, не далъ ему поднять ее и самъ полѣзъ подъ столъ, и „мы чуть не стукнулись съ нимъ подъ столомъ“,—говорилъ братъ.

Весною по объявленіи войны успѣхи брата по занятію съ полкомъ казаковъ Барбашскаго моста на рѣкѣ Сереть, обезпечившему наступленіе арміи къ Дунаю, отразились въ Петербургѣ на мнѣ; знакомые поздравляли, и я былъ предметомъ ихъ вниманія, котораго самъ по себѣ никогда не заслуживалъ. Послѣ майскаго парада, который дѣлалъ Государь, я писалъ брату о немъ, и описаніе это, какъ новости изъ Петербурга, братъ прочиталъ великому князю, который, вспомнивъ обо мнѣ, спросилъ его, что я дѣлаю, и тутъ же рѣшилъ вызвать меня въ армію. Рѣшеніе это совпало съ моими желаніями, ибо не-задолго передъ тѣмъ я писалъ брату, отчего бы мнѣ не получить какой-либо должности по полевому штабу.

Въ одно прекрасное утро меня курьеромъ позвали къ Государственному Секретарю, который, когда я явился, съ нѣкоторою ироніею сказалъ:

— Надѣньте большіе сапоги и поѣзжайте въ армію. Великій князь васъ требуетъ.

Статскіе подтрунивали тогда на счетъ сапогъ, ибо всѣ отъѣзжавшіе въ армію прежде всего надѣвали походную форму съ большими сапогами.

— Вотъ депеша, побывайте у Ивана Ивановича Шамшина и отправляйтесь съ Богомъ,—заклучилъ Сольскій.

Иванъ Ивановичъ съ отличавшею его вѣжливостью пояснилъ мнѣ, что Государственный Секретарь и онъ затрудняются въ точности исполнить просьбу великаго князя, такъ какъ въ депешѣ сказано: „Прошу выслать ко мнѣ чиновника Струкова и снабдить его слѣдующимъ“.

— Мы не можемъ расходовать и у насъ нѣтъ никакихъ такихъ суммъ.

Я успокоилъ его тѣмъ, что поѣду на свои, и откланялся.

Въ нѣсколько дней я собрался въ походъ, но снарядился плохо. вмѣсто того, чтобы ѣхать въ чиновничьей формѣ Государственной Канцеляріи, я, по указанію штабнаго генерала, завѣдывавшаго формами, надѣлъ гражданскую форму военнаго министерства, какъ извѣстно не пользующагося особымъ почетомъ. Весь комфортъ моего снаряженія заключался въ походной кровати, гитарою раздвигавшейся, въ папиросахъ и нѣсколькихъ шелковыхъ рубашкахъ, вмѣсто полотняныхъ.

Направляясь въ армію, я заѣхалъ попрощаться съ отцомъ, который лежалъ тогда въ постели; у него открылись на ногахъ раны отъ старыхъ контузій, полученныхъ въ Венгерскую кампанію. Отпуская меня, онъ велѣлъ мнѣ поблагодарить великаго князя за то, что онъ взялъ меня къ себѣ, и выдалъ триста рублей, чтобы доѣхать до главной квартиры, говоря, что походное снаряженіе для обоза и лошадь приготовить мнѣ братъ Александръ, которому онъ это поручилъ и которому онъ выслалъ на-дняхъ деньги. Я направился въ Унгены. Эта пограничная станція была биткомъ набита ѣдущимъ въ армію людомъ, порядка было очень мало; я съ трудомъ исколоталъ себѣ, какъ мнѣ сказали, необходимое предложеніе и помѣстился въ отдѣленіи съ выходами по бокамъ вагона, наполненномъ военными. По вѣздѣ на Румынскую территорію меня поразилъ видъ румынскаго часового у желѣзнодорожнаго моста: онъ былъ одѣтъ въ солдатскую шинель, въ родѣ нашей, на ногахъ были какія-то туфли на босу ногу и на шакѣ голубиное перо.

Главная и Императорская квартиры находились въ Плоешти,

городъ представлявшій цѣль моего пути. Ночью въ нашъ поѣздъ сѣлъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ, возвращавшійся изъ плаванія, и Государь съ многочисленной свитой встрѣтилъ его на платформѣ Плоештинской станціи. Я ожидалъ видѣть при этой встрѣчѣ и Великаго Князя, но я напрасно искалъ его глазами въ этой нарядной военной группѣ. По первымъ же вопросамъ я узналъ, что Великаго Князя нѣтъ въ Плоештахъ и что пребываніе его неизвѣстно; оказалось потомъ, что это были тѣ знаменательные дни, когда Великій Князь готовился къ переправѣ черезъ Дунай, для сокрытія мѣста которой, онъ ночью ушелъ одинъ изъ расположенія Главной квартиры, оставивъ домъ, гдѣ онъ жилъ, ярко освѣщеннымъ, чтобы скрыть свой отъѣздъ. Въ Плоештахъ оставался 2-й эшелонъ главной квартиры, долженствовавшій выступить черезъ день по моему пріѣздѣ. Положеніе мое оказалось не изъ пріятныхъ. Комендантъ главной квартиры генералъ Штейнъ, которому я явился по пріѣздѣ, сказалъ мнѣ:

— Увѣдомьте меня, сколько у васъ будетъ прислуги и лошадей въ обозѣ.

А у меня не было ничего ровно и пріобрѣсти не было на что,—деньги были на исходѣ и брата, посланнаго на загражденія Дуная, я не засталъ въ Плоештахъ. Въ такомъ затрудненіи я пошелъ въ главную квартиру, чтобы какъ-нибудь устроиться для похода. Перваго, кого я встрѣтилъ, былъ почтенный и любезный нашъ домашній врачъ и докторъ Великаго Князя, впоследствии лейбъ-медикъ Александръ Леонтьевичъ Обермюллеръ. Со свойственной ему дружеской безцеремонной манерой онъ сталъ бранить меня:

— Чего ты сюда пріѣхалъ, очень нужно, сдохнешь тутъ тридцать разъ, сидѣлъ бы въ своей канцеляріи, худо тебѣ что-ли, ослѣпнешь еще отъ здѣшной пыли, мало у тебя глаза болѣли.

— Великій Князь приказалъ,—говорю я.

— Ну да, очень нуженъ ты, пустяки какіе.

Человѣкъ столичный, житель сѣвера, придворный врачъ и человѣкъ семейный и въ годахъ, Александръ Леонтьевичъ плохо мирился съ трудностями похода и зноемъ южнаго лѣта, и поваркивалъ весь походъ.

Петръ Петровичъ Андреевъ оказался добрѣе и, зная привычки Великаго Князя, сказалъ, чтобы я приходилъ завтракать въ главную квартиру и что онъ скажетъ походному гофмаршалу Александру Александровичу Галлу о моихъ затруд-

неніяхъ. За завтракомъ однако генералъ Галль, начинавшій уже гложуть и разговаривавшій при помощи трубки, просьбы моей о позволеніи помѣстить мои вещи на великокняжескія подводы не захотѣлъ слушать и отнялъ трубку. Слышавшій нашъ разговоръ командиръ охраннаго дивизіона атаманцевъ полковникъ Денисовъ успокоилъ меня, сказавъ:

— Верхомъ ѣздите? Я дамъ вамъ лошадь, пріѣзжайте только на сборный пунктъ.

Вещи свои я сдалъ таки знавшимъ меня придворнымъ служителямъ и явился на другой день на сборное мѣсто раньше всѣхъ.

Стали постепенно вытягиваться повозки, экипажи, лошади главной квартиры; я видѣлъ впервые, какъ люди идутъ въ походъ, а самъ стоялъ пѣшіи среди долины ровныя. Наконецъ показались, подымая столбы пыли, атаманцы съ пѣсельниками и Денисовымъ впереди. Это была моя послѣдняя надежда. Я подбѣжалъ къ Денисову, который, оказалось, забылъ про меня.

— Ахъ, чортъ возьми,—воскликнулъ онъ, остановившись.— Ивановъ, подай заводную.

Ивановъ мигомъ привелъ заводную, но безъ сѣдла и въ недоуздекѣ.

— Дуракъ, разсѣдай что-нибудь.

Мигомъ разсѣдали и осѣдали мою заводную, я былъ очень счастливъ, но, сѣвши на нее, я попросилъ удлинить стремяна, и когда оказалось, что на истовомъ казацкомъ сѣдлѣ стремяна не опускаются, я испыталъ прелесть этой сѣдловки, проѣхавъ 29 верстъ перваго перехода съ согнутыми ногами. Къ ночному привалу я былъ чрезвычайно уставши и, не имѣя при себѣ ничего, задумался о ночлегѣ и сталъ искать, гдѣ бы переночевать. Среди поля эшелонъ нашъ расположился въ двѣ линіи, и каждый разбивалъ свою палатку; на правомъ флангѣ стояла четверомѣстная карета Великаго Князя.

Вѣроятно усталая моя фигура ясно выражала испытываемое мною затрудненіе, ибо встрѣтившійся мнѣ фельдъегерь, какъ оказалось потомъ Тулузаковъ, сынъ знакомой мнѣ сестры милосердія Тулузаковой, одной изъ первыхъ сестеръ милосердія русскаго Краснаго Креста,—принялъ во мнѣ участіе и, расспросивъ, подвелъ меня къ каретѣ и стоявшему около меня священнику, прося его принять меня въ нее на ночь.

— Да куда же,—отвѣтилъ батюшка,—отецъ діаконъ спитъ на передней скамейкѣ, я на задней.

Тогда Тулузаковъ пригласилъ меня въ свою маленькую

палатку, которую онъ раздѣлялъ съ другимъ товарищемъ своимъ, и мы втроемъ улеглись на какой-нибудь квадратной сажени, пространство которой занимала палатка, въ которую все-таки втиснули мою кровать-гармонику.

Ночью — говорили мнѣ потомъ фельдъегеря, — разразился ливень, потокъ воды направился подъ мою кровать, они стали будить меня, но это имъ не удалось, я спалъ какъ убитый и утромъ всталъ, хоть и мокрый, но бодрый.

Хозяева мои были этому обрадованы, ибо, говорили они, — мы думали, что вы заболѣли, всю ночь стонали вы, — видно отъ усталости.

Фельдъегеря располагали фургончикомъ, на козлахъ котораго я примостился на время всѣхъ остальныхъ переходовъ по Румыніи, съ радостью оставивъ столь мало удобное казацкое сѣдло.

Въ Бухарестѣ, около котораго была дневка, и отъ котораго у меня остались въ памяти только темный дворецъ Князя и знаменитая Киселевская аллея, я угостилъ моихъ благодѣтелей фельдъегерей хорошимъ обѣдомъ и продолжалъ съ ними путь до Зимницы на Дунаѣ. Во время этихъ переходовъ намъ стало извѣстно, что армія наша перешла Дунай у Систова и что главная квартира находится напротивъ этого города, въ Зимницѣ. Въ Александріи, румынскомъ городѣ, хуже котораго я никогда не видалъ, пришелъ казакъ и сказалъ, что комендантъ требуетъ къ себѣ чиновника Струкова.

Держа руку подъ козырекъ, я явился къ генералу Штейну, которому представлялся уже въ Плоештахъ и который всегда на прекрасной лошади шелъ во главѣ нашего эшелона. Держа руки за рукавами жилета, генералъ повелительно обратился ко мнѣ.

— Депеша Великаго Князя. Главнокомандующій требуетъ васъ, извольте немедленно отправляться въ Зимницу.

— Я затрудняюсь, ваше превосходительство, — отвѣтилъ я, — у меня нѣтъ средствъ передвиженія, нѣтъ и карты, и я не знаю, гдѣ эта Зимница.

Генералъ вспылилъ.

— Я передаю вамъ повелѣніе Главнокомандующаго и напоминаю вамъ, что у насъ военное время — вы можете отвѣтить, и недовольный генералъ отошелъ отъ меня.

За нимъ стоялъ незнакомый мнѣ тогда полковникъ Моравкій — его помощникъ, который, видя мое затрудненіе, сказалъ:

— Не безпокойся, голубчикъ, покричить и перестанетъ, оставайся и дойдешь съ нами.

Я послѣдовалъ его совѣту, и черезъ два дня мы всѣ были въ Зимницѣ, гдѣ и кончился первый и самый неудачный для меня, этапъ похода.

Въ Зимницѣ отъ постоянного движенія войскъ, жары и безвѣтрія пыль была поистинѣ ужасная, она не осѣдая стояла въ воздухѣ, измельченная какъ дымъ, и дѣлала воздухъ непрозрачнымъ и удушливымъ.

Обѣ главныя квартиры Императорская и Главнокомандующаго расположены были на глинистомъ высокомъ берегу Дуная смежно, въ плохихъ сливяныхъ садахъ; Государь жилъ въ какомъ-то болгарскомъ домѣ, Великій Князь въ своей палаткѣ, вокругъ него стояли свиты и среди нихъ большая столовая палатка, въ которой гостепріимный Главнокомандующій кормилъ весь персоналъ своей главной квартиры.

По пріѣздѣ я розыскалъ будущаго своего начальника флигель-адъютанта Дмитрія Петровича Кладищева. Изъ писемъ брата я зналъ, что Великій Князь вызвалъ меня для наградного отдѣленія, и затѣмъ отпразднелъ искать брата. Не легко было его найти; разспросы привели меня наконецъ къ берегу одного изъ дунайскихъ рукавовъ, въ которомъ я увидѣлъ его въ фуражкѣ, но безъ всякаго туалета, обучающаго своего Яхонта, кровнаго англійскаго жеребца завода Петровскаго, переплывать рѣку. Повидавшись съ нимъ, я пошелъ переодѣваться и являться Великому Князю.

Я поцѣловалъ его въ плечо, онъ меня въ лобъ, и, осмотрѣвъ меня, онъ сказалъ:

— Спасибо, что пріѣхалъ, сними, — указывая на шпагу, — эту сеledку и надѣнь шашку. Струкова братъ, — обратился онъ къ генералу Непокойчицкому, сидѣвшему съ нимъ, и затѣмъ своимъ звонкимъ голосомъ закричалъ: — Николаша, старый товарищъ пріѣхалъ.

Великій Князь Младшій однако не появлялся, и, откланявшись, я пошелъ къ нему. Я засталъ его сидящимъ въ обществѣ Великаго Князя Сергія Александровича, которому онъ меня представилъ.

Откланявшись имъ, я вернулся въ помещеніе, занимаемое Кладищевымъ и его наградною канцеляріею. Она состояла изъ него, одного чиновника для письма и двухъ писарей, изъ коихъ одинъ постоянно или весьма часто бывалъ пьянъ. Я на другой день приказомъ Главнокомандующаго по арміи на-

значенъ былъ помощникомъ начальника наградного отдѣленія, но мы съ Кладищевымъ начальствовали почти только надъ самими собою. Мы должны были работать сами и весьма напряженно; поступили уже отъ частей представленія къ наградамъ за загражденія Дуная, за взрывъ Лутофи-Джелиля Дубасовымъ и Шестаковымъ и всей 14-й дивизіи, за переправу черезъ Дунай у Систова. Дмитрій Петровичъ былъ въ работѣ педантъ, работалъ усердно и поздно, но по привычкѣ къ долгому туалету пропускалъ утро. Онъ испросилъ у Военнаго Министра разрѣшеніе на упрощеніе формъ наградного производства, но и за этимъ упрощеніемъ работа была для трехъ человѣкъ непосильная, и мы работали весь день, съ перерывами для ѣды, до 12 час. ночи.

Первые дни въ Зимницѣ я голодалъ, питаясь у маркитантовъ, у которыхъ было много шампанскаго, но очень мало съѣдобнаго. Кладищевъ ходилъ обѣдать къ Великому Князю, звалъ и меня, но, не получивъ приглашенія отъ Галла, я не рѣшался послѣдовать его зову. Черезъ нѣсколько дней Великій Князь самъ замѣтилъ мое отсутствіе и велѣлъ разъ на всегда звать меня утромъ къ кофею, къ завтраку, къ обѣду и вечеромъ къ чаю.

Одно изъ первыхъ дѣлъ, которое мнѣ пришлось разобрать и приготовить къ докладу, было представленіе къ Георгіевскому кресту брата, за загражденіе Дуная у Браилова и у Пародима, гдѣ онъ, переплывъ рукавъ Дуная, спасъ отъ разстрѣла турецкой батареи нашъ минный отрядъ. Съ нимъ по водѣ послѣдовалъ къ отряду и капитанъ генеральнаго штаба Сахаровъ ¹⁾, но какъ человѣкъ грузный и тучный, послѣдній отсталъ.— Братъ имѣлъ уже золотое оружіе, если не ошибаюсь, за занятіе Барбашскаго моста, обезпечившее наступленіе нашей арміи къ Дунаю, и вторичное представленіе къ высокой наградѣ производило нѣкоторый соблазнъ; самъ Дмитрій Петровичъ находилъ, что сраженія большого не было и что какъ будто много, но подвигъ въ точности подходилъ подъ статутъ и отказать нельзя было: „За спасеніе части съ опасностью для жизни“. На другой день послѣ изготвленія мною доклада собралась Георгіевская дума и въ числѣ прочихъ присудила крестъ и брату.

По главной квартирѣ часовъ въ 12 дня послышались крики: „Полковника Струкова къ Государю Императору“, но полков-

¹⁾ Бывшій позднѣе военнымъ министромъ

ника никакъ нельзя было найти; обратились ко мнѣ, и я долженъ былъ пуститься искать его; зной былъ ужасный, пыль адская, и я не мало измучился, пока искалъ его. Я переспросилъ всѣхъ встрѣчныхъ—не видѣли ли его, и наконецъ добрый человекъ указалъ мнѣ въ сторонѣ отъ Зимницы довольно большое поле и за нимъ одинокую избу, сказавъ:—вотъ тамъ они. Я остановился въ нерѣшительности, переходить ли поле въ такой ужасный зной,—вѣдь кондрашка хватить,—думалъ я, однако дѣлать было нечего, Государь зоветъ, перешелъ поле и, обливаясь потомъ, уже съ нетерпѣніемъ я отворилъ дверь въ избу и, не обращая вниманія на группу лицъ, которыхъ я увидѣлъ, я крикнулъ:

— Полковника Струкова къ Государю Императору.

Это произвело впечатлѣніе бомбы. Тутъ, повидимому, жилъ уже извѣстный тогда, но еще молодой генералъ свиты М. Д. Скобелевъ, и у него трапезовало человекъ 10,—шло возліанія послѣ завтрака. Публика эта меня еще не знала, я сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ, обтирая градомъ лившейся потъ и отпыхиваясь отъ усталости,—а брата уже не было; схватившись съ мѣста, вытирая усы и застегивая китель, онъ летѣлъ черезъ то поле, которое такъ приводило меня въ смущеніе, такъ, что только пятки засверкали.—Экъ его подобрало какъ,—подумалъ я и пошелъ восвояси. Потомъ братъ рассказывалъ, что Государь встрѣтилъ его невыразимо ласково, обнялъ, поцѣловалъ и сказалъ:

— Такъ какъ ты мой крестникъ, то я хотѣлъ дать тебѣ свой собственный крестъ,—и, обратившись къ камердинеру, велѣлъ подать одинъ изъ своихъ Георгіевскихъ крестовъ,—да смотри не ошибись,—сказалъ Государь,—не подай креста Императора Александра Павловича.

Увидавъ Скобелева, я вспомнилъ рассказъ ординарцевъ. Вслѣдъ за переправой Великій Князь на понтонѣ отправился черезъ Дунай въ Систово благодарить войска и посмотреть позицію; найдя тамъ состоявшаго при немъ Михаила Дмитриевича, самовольно принявшаго участіе въ переправѣ съ Драгоміровымъ, Великій Князь отправилъ его подъ арестъ, но почетно, въ свою палатку, въ Зимницу. Драгоміровъ просилъ за заслуги и за содѣйствіе, которое онъ оказалъ ему при переправѣ, отмѣнить это почетное наказаніе.

Про самую переправу говорили, что Великій Князь провелъ ее мастерски, что никто не зналъ, гдѣ она будетъ, что демонстрировали все время на Никополь и что отъ самого Госу-

даря, въ виду его многочисленной квартиры, скрыто было мѣсто совершенія оной. Въ ночь на 15 іюня Государь прибылъ на указанное ему высокое мѣсто съ курганомъ на лѣвомъ берегу Дуная выше Зимницы на нѣсколько верстъ. Государь съ Милютинымъ на разсвѣтѣ навели подзорныя трубы на Никополь и недоумѣвали, что не видятъ приготовленій. Черезъ нѣкоторое время показалась четверка уже сильно вылинявшихъ и показывавшихъ ребра вороныхъ рысаковъ, запряженныхъ въ коляску Великаго Князя, и Главнокомандующій взошелъ на курганъ. Государь, будто, встрѣтилъ Великаго Князя выраженіемъ недоумѣнія. Великій Князь взялъ Государя за плечи, обернулъ его въ другую сторону и навелъ трубу. Государь увидалъ полтоны съ войсками подъ правымъ берегомъ у Систова и въ то же время грянули первые выстрѣлы. Государь былъ въ восторгѣ, благодарилъ и цѣловалъ Главнокомандующаго.

Армія становилась подъ предводительствомъ Великаго Князя побѣдоносною, но въ главной квартирѣ стало извѣстнымъ, что старый Вильгельмъ спрашивалъ: *wo ist aber der Feind?* Намъ мало извѣстно было, что дѣлается вокругъ. Въ главной квартирѣ слышалось про несовсѣмъ удачныя дѣйствія отряда генерала Тутомлина, послѣ взятія Никополя, высланнаго на правый флангъ къ Плевнѣ. Послѣ взятія помянутой крѣпости заняты были значительное время пропускомъ войскъ черезъ Зимницкій мостъ, для сформированія отрядовъ, и когда это подвинулось, мы тронулись вслѣдъ за ними. Узкій понтонный мостъ служилъ отнынѣ связью арміи съ ея базой. Главная квартира вышла часа въ три, мы съ братомъ не торопились, предвидя тѣсноту на переправѣ, и вышли верхами значительно позже, съ нами поровнялся генералъ свиты Толстой, и мы втроемъ шли шагомъ по песчаной Дунайской косѣ, когда показались шедшіе намъ навстрѣчу рысью два конвойныхъ казака, минуты черезъ двѣ изъ-за лозняка показалась царская коляска, сопровождаемая еще четырьмя казаками, и въ ней сидѣлъ Государь, возвращавшійся съ проводовъ Великаго Князя и двухъ сыновей своихъ—Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Владиміра Александровича, уходившихъ за Дунай съ главной квартирой. Мы стали во фронтъ и взяли руки подъ козырекъ. Государь поднялъ руку, отдавая честь, и поровнявшись съ братомъ, мягкимъ, показалось мнѣ, голосомъ сказалъ ему:

— Въ добрый часъ, и возвращайся здоровымъ.

Братъ наклонился въ сѣдлѣ, и, тронутые прощальнымъ привѣтомъ, мы нѣсколько минутъ провожали взглядомъ величественнаго и добраго Государя, выказавшаго за это время столько участія къ своимъ войнамъ.

Приближаясь къ правому берегу, мы обходили обозъ главной квартиры, и я между прочими фурами увидѣлъ фургонъ брата, запряженной знакомой мнѣ его шорной, страшно горячей лошадей, которая тащила изо всѣхъ силъ на возжахъ правившаго ею камердинера его, Егора Григорьевича, который еле справлялся съ нею и сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, опасаясь ежеминутно слетѣть съ нею въ Дунай. — Лошадь эта такъ и таскала его неугомонно весь походъ и за Малыми Балканами пала на одномъ изъ переходовъ, не выдержавъ похода, — и измученный ею Егоръ Григорьевичъ все-таки пожалѣлъ ее и позвалъ меня посмотрѣть на бѣдное, павшее животное.

Первый переходъ былъ небольшой, всего верстъ 5 или 6 до деревни Царевичи, въ которую мы пришли къ закату. Болгарія показалась мнѣ лучше южной части Румыніи, дорога была живописная, много зелени, и, придя въ деревню, мы увидели уже раскинутыя палатки главной квартиры и Великаго Князя, сидѣвшаго на заваленкѣ болгарской хижины. Поджидая обозъ, я сидѣлъ на козлахъ телеграфной кареты, когда увидѣлъ шедшихъ къ нашей группѣ Цесаревича и Великаго Князя Владиміра. Последнему негдѣ было сѣсть, и онъ, позавидовавъ видно мнѣ, сталъ лѣзть на мои козлы, я поспѣшилъ ретироваться, но онъ не позволилъ; братъ, увидѣвъ это, поспѣшилъ представить меня. Изъ происходившаго кругомъ разговора я понялъ, что Цесаревичъ ѣдетъ командовать Руцукскимъ отрядомъ и что корпусъ Великаго Князя Владиміра входитъ въ его составъ.

Подошелъ ординарецъ Всеволожскій съ большимъ тюкомъ бумагъ.

— Что это у васъ?—спросилъ Великій Князь.

— Прокламація,—отвѣтилъ тотъ.

— Либераль! съострилъ Великій Князь.

Это было Царское воззваніе къ болгарскому народу, которое въ послѣдующіе дни читала вся Европа.

На югѣ сумерки быстрѣе, чѣмъ у насъ, смѣняются ночью.

Становилось совсѣмъ темно; вдругъ послышался голосъ Великаго Князя:

— Сашка!

Какъ листъ передъ травой всталъ передъ нимъ братъ, смотрю, стоитъ стрункой рука подъ козырекъ.

Великій Князь ему что-то приказалъ, куда-то его посылалъ. Черезъ минуты двѣ онъ уже подтягивалъ подпруги своей Скарлатъ-Летеръ.

— Куда ты,—спросилъ я, но онъ только неопредѣленно указалъ куда-то головой.—Да кого и гдѣ ты найдешь ночью,—подивился я, но онъ исчезъ въ темнотѣ, куда-то проскакалъ и ночью только вернулся въ наше расположеніе.

Мы въ первый разъ послѣ пыльной Зимницы ночевали бивакомъ, спалось не дурно.

Цесаревича мало было видно, онъ вскорѣ, кажется на другой же день, отдѣлился отъ насъ, уйдя къ Руцуку. Дня черезъ три изъ Зимницы пріѣзжалъ верхомъ Государь съ своей свитой и вернулся обратно.

Въ Царевичахъ мы съ Кладищевымъ ходили въ расположеніе 14-й дивизіи для справокъ по награднымъ листамъ, пришедшимъ къ намъ въ невѣроятно путанномъ видѣ; мы застали Драгомирова и Радецкаго, сидѣвшими передъ избой на высокой скамейкѣ, и послѣдній болталъ ногами. Наружность бываетъ обманчива: генералъ этотъ показался мнѣ совершеннымъ простакомъ, и я никакъ не предположилъ бы въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ героевъ минувшей кампаніи. Въ Царевичахъ служили первый разъ при мнѣ благодарственный молебенъ по случаю занятія генераломъ Гурко Тырнова. Придворный священникъ Великаго Князя читалъ молитвы съ проникающимъ всѣхъ чувствомъ, и это первое богослуженіе, походное, въ военномъ лагерѣ производило глубокое впечатлѣніе.

Генералъ Гурко изъ Тырнова двинулся къ Габрову, а Великій Князь направился къ Тырнову. Движеніе главной квартиры въ тылу отрядовъ мало напоминало о войнѣ; въ нѣсколько переходовъ мы подошли къ этой древней столицѣ Болгаріи по странѣ, не носившей на себѣ никакихъ слѣдовъ опустошенія. Поля были покрыты зрѣющими хлѣбами и луга густыми травами, въ одной только деревнѣ Великому Князю доложили, что турки, отступая, зарѣзали болгаръ; дѣйствительно, пройдя нѣсколько шаговъ, мы увидѣли нѣсколько труповъ, сброшенныхъ въ кучу. Великій Князь перекрестился и велѣлъ предать ихъ землѣ. Переходы до Тырнова Великій Князь дѣлалъ верхомъ на своемъ арабскомъ жеребцѣ Аксу, за нимъ непосредственно слѣдовалъ Артуръ Адамовичъ и весь почти военный персоналъ главной квартиры верхомъ. Наши съ братомъ анг-

ийскія лошади всегда и на шагу опережали другихъ, и мы по большей части отъ Великаго Князя не отставали.

— И ты на англичанкѣ,—сказалъ, оглянувшись на меня на одномъ изъ переходовъ, Великій Князь.

На привалахъ раскидывали на землѣ скатерть и подавали холодную говядину, колбасу, хлѣбъ и болгарское вино, всѣ собирались вокругъ Великаго Князя, всегда спокойнаго и радушно привѣтливаго въ эти минуты хозяина.

Узкая по обрыву надъ рѣкой дорога къ Тырнову не дала мнѣ возможности видѣть восторженной встрѣчи Великаго Князя населеніемъ Тырнова; мы очутились съ Кладищевымъ въ хвостѣ колонны и прошли городъ послѣ всѣхъ, но и мы получили отъ болгарокъ нѣсколько букетиковъ чудныхъ въ этой странѣ цвѣтовъ.

Главная квартира расположилась лагеремъ за городомъ въ саду на склонѣ горы. Когда стали разбивать палатки, мы тутъ впервые вытащили свою круглую съ вертикальными на стойкахъ стѣнками, на которыя пристегивался коническій куполь, какъ только заканчивалась ея постановка, она проклятая рушилась, покрывая насъ съ помогавшими намъ людьми; такъ какъ это повторялось нѣсколько разъ, то многихъ это отъ нечего дѣлать забавляло и каждое паденіе сопровождалось взрывомъ хохота главной квартиры, смѣялся и подзадоривалъ насъ и Главнокомандующій, пока не научились ее ставить.

Подъ горой стоялъ конвойный баталіонъ и казаки, вечеромъ играли зорю, утромъ вставали съ музыкой, завтракали и обѣдали въ установленные часы. Мы заняли единственный въ саду домъ подъ свою наградную канцелярію, въ которой сидѣли до перваго часу ночи. Выходя однажды оттуда, я споткнулся о чьи-то ноги и тогда только разсмотрѣлъ въ темнотѣ, что вокругъ палатки Великаго Князя, мимо которой мнѣ надо было проходить, лежало нѣсколько конвойныхъ атаманцевъ, охранявшихъ сонъ Главнокомандующаго. Казакъ не шелохнулся, не проронилъ звука, только тихо отодвинулся, чтобы дать мнѣ пройти.

Эта необычайная охрана меня удивила, я узналъ потомъ, что на флангахъ нашихъ неблагополучно, и предусмотрительный Штейнъ, когда Великій Князь засыпалъ, присылалъ казаковъ.

Изъ Тырнова Великій Князь послалъ сына своего, моего брата, Ласковскаго и ординарца Цурикова на Шипку въ отрядъ Святополкъ-Мирскаго. Послѣ перваго отбитаго штурма братъ

привожалъ съ донесеніемъ и тутъ же опять уѣхалъ. Послѣ взятія Шипки вернулись всѣ, а брата не было. Я обезпokoился, но вскорѣ явился и онъ цѣлый и невредимый, но исхудалый за нѣсколько дней до чрезвычайности отъ перенесенныхъ боевыхъ трудовъ, вся фигура его сдѣлалась меньше, не исключая головы; я поразился этой перемѣнѣ въ немъ, которая, однако, скоро прошла.

Черезъ года два послѣ войны я встрѣтился въ вагонѣ съ княземъ Святополкъ-Мирскимъ. Онъ говорилъ мнѣ, что въ этотъ день огонь турокъ былъ такъ силенъ, что онъ—севастопольскій георгіевскій кавалеръ, такого огня не видѣлъ.

— Весь Орловскій полкъ лежалъ,—говорилъ онъ,—и только три человѣка: Ласковскій на правомъ флангѣ, Цуриковъ на лѣвомъ и вашъ братъ въ центрѣ стояли какъ струнки. Вашъ братъ, кромѣ того, три раза спускался съ горы ко мнѣ, гдѣ я находился у перевязочнаго пункта, не желая подвергать жизнь находившагося при мнѣ Великаго Князя Младшаго явной опасности. Турки, — говорилъ онъ, — стрѣляли по немъ, какъ по зайцу, и какъ его не убили—не понимаю.

Государь, ознакомленный уже съ реляціей, когда прибыли къ нему въ Бѣлу поименованныя лица, пошелъ навстрѣчу къ отставшему отъ другихъ брату съ открытыми для объятій руками и сказалъ:

— Здравствуй, молодецъ мой, произвожу тебя въ генералы, беру въ свиту и оставляю пока при братѣ.

Въ расположеніи нашемъ былъ не то домъ, не то павильонъ, обращенный въ столовую, гдѣ Великій Князь Младшій, любившій иногда ужинать, сталъ иногда созывать нѣкоторыхъ лицъ. Хорошо знакомый мнѣ Душинъ, камердинеръ, пришелъ вскорѣ послѣ взятія Шипки звать къ ужину Кладищева; послѣдній по духу товарищества, хотя и былъ мнѣ начальникомъ, а не товарищемъ, не пошелъ, и велѣлъ сказать, что еще занимается со мною. Душинъ пришелъ вторично просить и меня, и этимъ возобновились на время почти прежнія отношенія съ Великимъ Княземъ Младшимъ. Окружающіе его любили освѣдомляться у насъ о предстоящихъ наградахъ и позднѣе, однажды проболтавшись не во время, я получилъ отъ Главнокомандующаго выговоръ черезъ Кладищева:

— Скажи Анашѣ, чтобъ не болталъ у сына.

Послѣ первой неудачи подъ Плевной Великій Князь уѣхалъ въ Бѣлу къ Государю, потомъ на позиціи, и намъ вскорѣ было приказано перейти въ Горный Студень, гдѣ долго пришлось

стоять обѣимъ главнымъ квартирамъ. Переходъ этотъ велѣно было сдѣлать, не безпокая города Тырнова, обойти его и сняться до зари,—что и сдѣлали. При сборахъ этихъ генералъ Галль вдругъ потерялъ свою слуховую трубку и былъ въ такомъ отчаяніи, что всѣ приняли въ немъ участіе и стали ее искать. Послѣ долгихъ поисковъ она была найдена, и эшелонъ до восхода солнца тронулся въ путь. Шли цѣлый день, который былъ знойный, и на ночлегъ пришли только къ заходу солнца. Здѣсь я испыталъ на себѣ дѣйствіе чая на организмъ. Отъ усталости я еле могъ сойти съ коня, а выпивъ пять стакановъ чая съ лимономъ, я былъ готовъ продолжать переходъ и утомленія какъ не бывало.

Въ Горномъ Студнѣ занятія наши увеличились и намъ указывали на медленность. Артуръ Адамовичъ намъ выговаривалъ и, чтобы показать нашъ трудъ, мы, съ разрѣшенія Великаго Князя, однажды пришли работать къ нему въ палатку. За алфавиты офицеровъ сѣли самъ Великій Князь, Артуръ Адамовичъ, Кладищевъ и я; поработавши нѣсколько часовъ, они убѣдились, что мы не бражничаемъ, и отпустили насъ съ довѣріемъ. У Кладищева стали болѣть ноги и, когда Великому Князю насъ было нужно, сталъ ходить за приказаніями я. На это, казалось мнѣ, штабное начальство косилось. Великій же Князь принималъ всегда ласково, отдавалъ приказанія ясно, категорично и не сердился, если переспросишь.

Однажды, ожидая входа къ нему, я сидѣлъ въ столовомъ шатрѣ и разговаривалъ съ ординарцами. Вдругъ двѣ руки сзади закрыли мнѣ глаза, я удивился, но по молчанію ординарцевъ догадался, что это самъ и сказалъ:

— Чувствую кто, самъ Главнокомандующій.

— Молодецъ, — пошутилъ Великій Князь и позвалъ къ себѣ.

Писарь Никатовъ все чаще сталъ напиваться и во хмѣлю бранить насъ съ Кладищевымъ, который каждый разъ просилъ меня извинить ему. Мы работали до 12 часовъ ночи ежедневно, ночами же иногда тревожили насъ флигель-адъютанты за крестами, посылавшимися Государемъ въ части.

Во время стоянія въ Горномъ Студнѣ ходили слухи по главной квартирѣ, что Великій Князь, освѣдомившись послѣ первыхъ двухъ неудачъ подъ Шлевной объ обѣщаніи, данномъ Горчаковымъ Англіи изъ Бухареста не переходить Балканы, — вздиль къ Государю отказываться отъ командованія арміей. Этому обѣщанію приписывалась возможность для Порты оття-

путь изъ долины Марицы часть войскъ и бросить ихъ на нашъ правый флангъ, гдѣ Главнокомандующій и встрѣтилъ силы, на которыя тамъ не рассчитывалъ. Когда наступили бѣшенныя атаки Сулеймана-паши на Шипку, положеніе въ главной квартирѣ стало унылымъ; говорили, что у насъ не хватитъ снарядовъ, что наши орудія и ружья не достигаютъ непріятеля, тогда какъ нашихъ — бьютъ. Великій Князь зачастую самъ сживалъ на телеграфной каретѣ, отдавая приказанія, скакали ординарцы, Государь пріѣзжалъ къ нему нѣсколько разъ изъ своего расположенія. Ему, случалось, спѣшно подавали воду, говорили, что Систовскій мостъ не имѣетъ тетъ-де-пона, что мы можемъ быть отрѣзаны. Въ эти дни я разъ или два, приходя къ Великому Князю, заставлялъ его окруженнымъ чуть ли не всей главной квартирой и въ простой бесѣдѣ излагавшимъ наше военное положеніе. Изъ бесѣды вытекало, что все, что можно было въ человѣческихъ силахъ сдѣлать — сдѣлано, что онъ давно предупреждалъ, что ему войскъ даютъ мало и что мы не выйдемъ изъ затрудненій, пока войска не придутъ. Онъ вѣроятно дѣлалъ это для поддержанія духа главной квартиры, и отъ него всѣ уходили успокоенные, съ вѣрою въ своего вождя и съ любовью къ нему. — Съ того дня, какъ телеграфъ далъ знать изъ Габрова, что генералъ Дмитровскій, посадивъ своихъ стрѣлковъ по двое на лошадей, поднимается на Шипку, у насъ стало надежнѣе и спокойнѣе.

Передъ взятіемъ Ловчи и къ штурму Плевны мы переходили два раза на нѣсколько дней въ деревню Радоницу. Кухня уходила на позиціи съ Великимъ Княземъ, и пришлось въ этой деревнѣ питаться чаемъ и кукурузнымъ хлѣбомъ. Послѣ взятія Ловчи сюда пріѣзжалъ М. Д. Скобелевъ, и я видѣлъ, какъ сильно повліялъ на него этотъ жестокой бой, онъ былъ сильно разстроенъ и слезы невольно капали изъ глазъ его. Мнѣ онъ сказалъ:

Не сокращайте награды ни офицеру, ни солдату.

Во время штурма Плевны мнѣ ночью пришлось по дѣлу пройти въ расположеніе императорской квартиры, и при этомъ случаѣ я видѣлъ, какъ неустанно, не ложась въ постель, генералъ Рыльевъ самъ сторожилъ Государя.

При передвиженіяхъ къ Радоницѣ на ночлегахъ въ болгарскихъ избахъ мы наблюдали, какъ ночами несли между собою інформаціонную службу болгары; заснуть не было возможности почти всю ночь кто-нибудь стучался въ избу, входилъ болгаринъ, спѣшно, но тихо говорилъ что-то хозяину и удалялся.

Въ первый день штурма Плевны, мы были съ Кладищевымъ на такъ называемой Царской батарее въ время стрѣльбы по ней турокъ. Мы застали на ней генерала Непокойчицкаго и Николая Николаевича Вельяминова, изъ коихъ первый обратился ко мнѣ съ вопросомъ—не видятъ ли мои молодые глаза—какія войска двигаются вдаль. Ничего разглядѣть нельзя было. Впереди батареи выставлены были для обмана туры, около которыхъ земля была изрыта снарядами; прослѣдивъ нѣсколько выстрѣловъ, мы удалились, чтобы не сдѣлать изъ себя пушечнаго мяса.

Послѣ штурма Плевны говорили относительно брата, что онъ былъ посланъ Великимъ Княземъ удостовѣриться, взятъ ли Гривицкій редутъ, по которому мы продолжали стрѣлять, и что онъ для удачнаго исполненія порученія и остановки огня прошелъ туда и назадъ ползкомъ. Зотовъ представилъ его къ награждѣ, а мы съ Кладищевымъ прописали ему за это мечи на имѣвшійся у него шейный Владимірскій крестъ.

Въ августѣ Дмитрій Петровичъ уѣхалъ къ больной женѣ и такъ какъ я былъ статскій малый чинъ (меня такъ и называли—малое наградное), то штабные генералы воспротивились допущенію меня къ официальному исправленію должности, и временно назначенъ былъ моимъ начальникомъ генералъ Ефимовичъ, бывшій адъютантъ Великаго Князя и помощникъ гофмаршала. Его завѣдываніе канцеляріею ознаменовалось для меня тѣмъ, что намъ стали приносить чай въ канцелярскую избу съ вкуснымъ хлѣбомъ и сдобными булками, которыхъ я давно не видалъ. Къ этому времени я приготовилъ производство юнкеровъ по всей арміи, вышла большая тетрадь въ три пальца толщиною, и я понесъ ее къ Артуру Адамовичу. Почтенный генералъ отнесся съ недовѣріемъ къ моей работѣ.

— Кто дѣлалъ?

— Я.

— А какъ вы ошибокъ надѣлали?

— Не извольте беспокоиться, когда я имѣлъ сомнѣнія въ правахъ, я спрашивалъ Стефана и генерала Кучевскаго.

Хотѣлъ Артуръ Адамовичъ повѣрять, видитъ, масса, ворочалъ тетрадь и такъ и сякъ, почесалъ за ухомъ, побряхтѣлъ и, наконецъ подписавъ, поблагодарилъ за работу.

Пріѣзжалъ въ Горный Студень Государь Наслѣдникъ съ Ванновскимъ, и намъ опять нагорѣло за медленность, но мы категорически заявили, что два человѣка скорѣе работать не

могутъ и что надо прибавить чиновъ. Намъ никого не дали, но велѣли представить Руцукскій отрядъ не въ очередь.

Послѣ штурма стала подходить гвардія; мы посматривали, какъ Государь по той сторонѣ пропускалъ полки, выходя изъ своего домика. Послѣ прохода Волинскаго полка нашъ Великій Князь Младшій вернулся полковникомъ, и я пошелъ его поздравить. Онъ былъ очень доволенъ.

Въ это время Великій Князь услалъ куда-то брата для наблюденія, и уѣзжая онъ просилъ меня съѣздить въ Императорскую главную квартиру и передать генералу Арсеньеву, что его лошади къ услугамъ Великаго Князя Павла Александровича. По этому случаю я единственный разъ былъ въ главной Императорской квартирѣ и замѣтилъ не безъ нѣкоторой зависти несравненно большій во всемъ комфортъ и удобства, чѣмъ у насъ. Старикъ кн. Суворовъ узналъ меня и любезно бесѣдовалъ.

Хотя у насъ ворчали, что главная квартира мѣшаетъ сосредоточенію войскъ у Плевны, направляя нѣкоторыя части въ Руцукскій отрядъ, но кольцо стягивалось, и мы перешли въ Боготъ, гдѣ и стояли до паденія Плевны.

Наступала осень, сначала сухая, потомъ мокрая и грязная, а Османъ все держался. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Богота былъ устроенъ Радишевскій редутъ, куда пріѣзжалъ отъ времени до времени Великій Князь, а иногда и Государь. Съ него былъ виденъ уголокъ Плевны, и съ него наблюдали концентрическую по ней стрѣльбу артиллеріи нашей, установленную генераломъ Тотлебенемъ. Послѣ взятія Карса служили тутъ молебень. Наканунѣ вечеромъ Великій Князь часовъ уже въ 11 прислалъ за мною. Я поспѣшилъ явиться и засталъ его уже въ постели.

— Поздравляю, Анаша, Государь пожаловалъ тебя камеръ-юнкеромъ, — услышалъ я.

Я благодарилъ, цѣловалъ Великаго Князя въ плечо и послѣ нѣсколькихъ словъ былъ отпущенъ.

На другой день послѣ благодарственнаго молебна на упомянутомъ редутѣ и залповъ во время многолѣтія на Плевнѣ, обѣ главныя квартиры расположились завтракать, и братъ Александръ представилъ меня Министру Двора графу Адлербергу, прося его представить меня Государю. Графъ обѣщалъ, но видно забылъ, ибо когда Государь собирался уже уѣзжать, онъ все еще, завтракая, пилъ красное вино, такъ что съ той же просьбой мы съ братомъ пошли къ Великому Князю.

— Хорошо, — сказалъ онъ и, охотно шутившій, онъ взялъ меня за ухо и повелъ къ Государю, который уже шелъ къ экипажу; однако войдя въ поле зрѣнія царскаго ока, Великій Князь ухо мое выпустилъ и самъ сталъ рядомъ со мною во фронтъ и руку подъ козырекъ.

— Струкова братъ благодарить за камеръ-юнкерство.

Государь шелъ, не уменьшая шага, руки въ карманахъ, устремивъ на меня свои глаза, отъ которыхъ, признаюсь, почувствовалось что-то подъ колѣнями.

— Твой братъ меня уже благодарилъ. Какъ ты похожъ на твоихъ покойныхъ братьевъ, и какъ жаль, что ихъ нѣтъ уже на свѣтѣ, — сказалъ Государь и продолжалъ идти къ коляскѣ.

Оказалось, что братъ, узнавъ о моемъ назначеніи, утромъ проскакалъ въ Порадимъ и за утреннимъ кофеемъ благодарилъ Государя.

Это было мое первое и послѣднее представленіе этому Государю, и впечатлѣніе, во мнѣ имъ оставленное, было—совмѣщеніе величественности съ ласковостью въ голосѣ и словахъ.

Въ этотъ вечеръ мы въ Бюгѣ слышали страшную ружейную трескотню, послали узнать, что такое, и оказалось, что Скобелевъ поднялъ транспарантъ съ турецкой надписью: „Карсъ взять“, на каковое извѣстіе турки отвѣтили огнемъ. Послѣ этого, какъ и послѣ перехода черезъ Балканы генераломъ Гурко и взятія Софіи, у насъ было въ главной квартирѣ ликование, служили молебны, кричали Великому Князю „ура!“.

Около 10-го ноября братъ былъ посланъ для наблюденія и донесеній въ тылъ Плевны, которая стала проявлять признаки близкой сдачи, какъ извѣстно, послѣдовавшей 24 ноября. Въ этотъ день въ Канцеляріи было много дѣла, и я на позицію не поѣхалъ; вечеромъ привезли и кормили въ шатрѣ много нашей, лица которыхъ были сосредоточены и печальны. На другой день назначено было молебствіе; на мѣстѣ ставки Османа-паши главная квартира ожидала Государя. Генералъ Непокойчицкій хлопоталъ, чтобы сомкнулись и шли навстрѣчу, когда придетъ Государь. По дорогѣ къ этому мѣсту тяжелое впечатлѣніе произвели трупы нашей пѣхоты, легшей въ лощинѣ при наступленіи; всѣ лежали въ одномъ направленіи ничкомъ и въ шинеляхъ. Раздалось предупрежденіе, — смотри въ ноги — патроны. Обнаживъ головы и сотворивъ крестныя знаменія, мы прошли мимо.

Государь, не доѣзжая нашей группы, вышелъ изъ коляски, его окружила свита, и двѣ главныя квартиры пошли стреми-

тельно другъ другу навстрѣчу. Государь, а за нимъ и всѣ другіе, снялъ фуражку и высоко махалъ ею надъ головой, всѣ кричали „ура!“. Сойдясь братья бросились въ объятія; Государь вынулъ изъ кармана Георгіевскую ленту и сталъ ею просовывать подъ погонъ Великому Князю, руки его дрожали. Предполагалось, что у молебна будутъ побѣдоносныя наши войска, но война не парадъ, никого не было, и только послѣ молебна подошелъ какой-то полкъ и не парадный имѣлъ онъ видъ; офицеры, помню, были одѣты кто въ чемъ, были и статскіе шарфы вокругъ шеи. Послѣ этого выѣхали въ Плевну, по улицамъ которой я слышалъ не одинъ выстрѣлъ надъ нашими головами; у самага города, почти въ улицахъ, виднѣлись плохо зарытыя шеренги турокъ. Князь Карлъ держался гораздо скромнѣе своего воинства и все время былъ въ хвостѣ колонны. Мы видѣли въ этотъ день раненнаго Османа, котораго мимо насъ провели къ Государю, возвратившему ему саблю.

Братъ Александръ про себя ничего не разсказалъ; отъ другихъ я узналъ, что, заслышавъ бой, онъ явился въ распоряженіе генерала Ганецкаго и вмѣстѣ съ А. А. Фрезе помогалъ на разныхъ флангахъ руководить боемъ. Когда отбили вторую линію, они обвели третью, и когда турками былъ выкинутъ бѣлый флагъ, Ганецкій послалъ брата къ Осману. Когда я спросилъ объ этомъ брата, онъ подтвердилъ, что, завидѣвъ колонны Скобелева, нарушившаго въ этотъ день диспозицію, онъ побудилъ Ганецкаго послать парламента, и тотъ отвѣтилъ ему: поѣзжайте сами. Между сошедшимися, у береговъ, не широкаго Вида двухъ армій, готовыхъ ежеминутно возобновить огонь, съ казакомъ своимъ онъ вѣхалъ на мостъ и прослѣдовалъ къ пашѣ. Османъ предложилъ условія, братъ отвѣтилъ, что можетъ имѣть мѣсто только безусловная сдача. Они говорили по-французски. Османъ отвѣтилъ восточной фразой, что дни не одинаковы и что онъ сдается, о чемъ братъ и оповѣстилъ Ганецкаго. Казакъ брата качалъ головой и говорилъ мнѣ: мы вчера съ генераломъ много дѣловъ надѣлали, кабы не мы... и опять качалъ головой.

Много лѣтъ спустя, когда однажды въ Петропавловской крѣпости меня представили Ганецкому, старикъ - генералъ порывисто взялъ меня за руку и сказалъ:

— Братъ Александра Петровича? а шустрый онъ, шустрый.

Братъ получилъ за это дѣло Станиславскую звѣзду съ мечами, а А. А. Фрезе — георгіевскій крестъ.

Послѣ взятія Плевны Государь скоро уѣхалъ въ Россію, главная квартира стала въ Боготѣ. Наступило для арміи тя-

железое время. Невылазная грязь препятствовала доставкѣ провіанта, погонщики приходили при однихъ кнутахъ, въ самой Болгаріи запасы изсякли, возникъ вопросъ — что дѣлать? Въ этотъ періодъ времени на разстояніи нѣсколькихъ дней Великій Князь принималъ гр. Тотлебена и генерала Обручева; говорили, что первый посоветовалъ заняться взятіемъ крѣпостей, второй — отойти въ Румынію и весной вновь наступать вмѣстѣ съ Сербіей. Советовъ этихъ Великій Князь не принялъ. Наступила зима, насыпало снѣгу, и генералъ Галль объявилъ, что будетъ кормить только разъ въ день. Великій Князь готовилъ свой планъ наступленія. Ему стало извѣстно, что изъ четырехугольника крѣпостей турки везутъ войска въ Константинополь и оттуда подаютъ ихъ противъ Гурки на Софію. Онъ рѣшилъ выждать окончанія этой операціи и отрѣзать путь отступленія, спустившись съ Шипки.

Въ половинѣ декабря, вполнѣдствіи мой начальникъ, полковникъ Фрезе, посланъ былъ побудить Радецкаго приготовиться къ спуску съ горъ, каковой маневръ генералъ этотъ не очень радѣлялъ.

Въ это время фуражъ сталъ такъ дорогъ, что всего моего жалованья не хватало на содержаніе лошадей, и я попросилъ Стефана — нельзя ли, не безпокая однако Великаго Князя, назначить мнѣ фуражныя деньги. Статскій генералъ этотъ, несмотря на это условіе, меня подвелъ и доложилъ Великому Князю о моемъ ходатайствѣ и безъ всякой церемоніи передалъ мнѣ, что Великій Князь сказалъ: „Анашѣ не надо“.

Генералы Непокойчицкій и Левицкій не радѣляли рѣшимости Великаго Князя переходить Балканы зимою; говорили, что послѣдній особенно волновался, хватался за свои довольно длинныя волосы и восклицалъ: — „онъ погубитъ насъ“. Артуръ Адамовичъ, говорили, становился на колѣни, прося отмѣнить распоряженія, но Великій Князь напомнилъ ему условіе — первому повиноваться въ нужную рѣшительную минуту. За нѣсколько дней до Рождества мы тронулись по зимней стужѣ на Сельви, Ловчу и Габрово. Свѣтлица моя не кованная на шипы скользила, и я велъ ее въ поводу всѣ переходы. Въ Ловчѣ пришло поздно вечеромъ извѣстіе о плѣненіи арміи Весселяпаша. Что это былъ за взрывъ восторга въ нашемъ станѣ. Ура, музыка не смолкала долго, Артуръ Адамовичъ сказалъ Кладищеву, къ нему подошедшему: nous sommes de la grande armée. Утромъ я видѣлъ Великаго Князя въ коляскѣ, оставляющаго насъ во 2-мъ эшелонѣ, чтобы скорѣе быть впе-

реди. Окрыленный побѣдой, онъ былъ великолѣпенъ стоя, въ коляскѣ, едва пробиравшейся среди тѣсноты обозовъ и войскъ, его привѣтствовавшихъ. Мы остались позади.

Переходъ къ Габрову мы совершили по 24^о морозу, и 29 верстъ я прошелъ пѣшкомъ, холодно не было. Придя туда, мы въ отведенномъ намъ домѣ застали на лавкѣ лежавшаго ординарца гр. Штакельберга, жаловавшагося на головную боль. Мы съ Кладищевымъ стали помогать ему и растирать, чего бы вѣроятно не сдѣлали, если бы знали, что онъ заболѣвалъ осною.

Подъемъ на Балканы былъ труденъ для меня. Кладищевъ болѣлъ ревматизмами ногъ, и послѣ перваго подъема мы ночевали въ сторожкѣ 9-го корпуса. На другой день насъ съ нимъ доставили къ подножію вершины Св. Николая на салазкахъ. Здѣсь путь на вершину оказался занятымъ артиллеріей и обозами такъ, что пройти намъ нельзя было, и насъ приютилъ въ своей землянкѣ генералъ Пущинъ, у котораго мы и высидѣли въ горахъ трое сутокъ; что это были за дни—одинъ ужасъ и печаль. Наконецъ намъ сказали, что можно провезти Кладищева; еще спасибо и за то, что „наградное“ вездѣ охотно принимали и ухаживали. Намъ дали проводниковъ солдатъ и по штыку въ руку, и я поблагодарилъ судьбу, увидавъ, что въ горахъ туманъ и всей 5-ти-тысячной высоты, которой я не выношу, — не видно. Проводникъ часто останавливалъ меня, говоря: — лѣвѣе, баринъ, тамъ обрывъ. Спустились легко, опасаясь, однако, катившихся съади на насъ орудій.

Мы спустились 5 января 1878 года, и что за радость и ощутилъ, увидавъ у подножія Балканъ первые ручьи и вдохнувъ легкой уже, весенній воздухъ долины розъ. Тутъ же ожидала меня моя Свѣтлица. Кладищева водрузили на своего казака, и мы пошли къ Казанлыку, по дорогѣ къ которому попадались намъ груды убитыхъ, сваленныхъ въ кучу. Но видъ миртъ скоро разсѣялъ память объ этомъ зрѣлищѣ, и мы черезъ полчаса присоединились въ Казанлыкѣ къ Великому Князю. Брата уже тамъ не было. Онъ посланъ былъ съ первой армейской кавалерійской дивизіей занять мостъ черезъ Марицу у Тырнова-Сейменли для обезпеченія дальнѣйшаго наступленія арміи. Стали приходить вѣсти объ его успѣхахъ, потомъ пріѣхало встрѣченное имъ посольство, и пришла вѣсть о занятіи братомъ Адрианополя. Великій Князь былъ доволенъ и говорилъ: „Сашка молодецъ“.

Отступленіе арміи Сулеймана нами было отрѣзано, — планъ

Главнокомандующаго осуществленъ. Когда братъ снималъ телеграфный аппаратъ со станціи послѣ занятія моста, передавалась депеша о подачѣ въ Софію всего подвижного состава для отступленія. Братъ велѣлъ итальянцу-телеграфисту отвѣтить, что русская кавалерія снимаетъ рельсы, и послѣ этого снялъ аппаратъ. Послѣ этого произошли отчаянные бои съ Шуваловымъ подъ Филиппополемъ, и турецкая армія разсыпалась въ горахъ.

Въ Казанлыкѣ намъ было уже не дурно, было теплѣе. Галль кормилъ рисомъ съ сливянымъ вареньемъ или пастилой, которую тутъ нашли въ изобиліи; казаки мазали волосы и сапоги розовымъ масломъ, главнымъ продуктомъ долины розъ. Главныя трудности были превзойдены. Когда Скобелевъ подкрѣпилъ пѣхотой занятіе Адрианополя, а братъ пошелъ впередъ, Великій Князь опять бросилъ второй эшелонъ и ушелъ въ Адрианополь.

Въ этотъ періодъ похода стройность движенія главной квартиры нарушилась, чины шли за свой страхъ и рискъ, обозъ опережали. Я помню, что изъ Казанлыка я вышелъ верхомъ одинъ съ унтеръ-офицеромъ болгарскаго ополченія Папковымъ, который оказался въ обозѣ брата. За городомъ я нагналъ нашъ конвойный пѣхотный баталіонъ, которому бравый командиръ его готовился читать приказъ Главнокомандующаго о переходѣ арміи черезъ Балканы. Полковникъ пригласилъ меня остановиться и принять участіе. Сзади высились Большіе Балканы; снѣжные, впереди менѣе грозные Малые Балканы. За публику я и Папковъ кричали „ура!“ трубачи играли гимнъ. Я пошелъ дальше и къ вечеру пришелъ въ Эски-Загру такой голодный, что если бы былъ первородный, отдалъ бы, кажется, первородство за чечевичную похлебку. Въ главной квартирѣ уже отъобѣдали, ничего не было, даже хлѣба я не нашелъ и отъ голода готовъ былъ плакать; кто-то изъ ординарцевъ выручилъ, давъ чаю съ галетами. Въ Тырново-Сейменли мы пришли въ такую темноту, что шли по улицѣ, взявшись за руки, гуськомъ, но имѣли дневку въ хорошемъ домѣ съ хорошимъ столомъ, за которымъ на радостяхъ щедро платили.

Наступила весна, разгрязнило, обозы наши отставали. Переходъ отъ Тырнова-Сейменли до Германлы мы сдѣлали подъ проливнымъ дождемъ и, придя на мѣсто, я промокъ до костей. Городокъ былъ пустой, населеніе ушло, на мосту передъ городомъ валялась еще масса внутренностей отъ нарубленныхъ нашими уланами быковъ, изъ которыхъ турки, отступая, сдѣлали себѣ загражденіе. Было поздно, мнѣ отвели домикъ безъ оконъ

на улицу, но съ маленькимъ окошкомъ надъ дверью, выходящею во дворъ. Въ единственной комнатѣ былъ большой очагъ и полная пустота. Мы заперли лошадей въ конюшню, развели огонь, раздѣлись, высушили бѣлье и платье и, не имѣя чѣмъ переѣнниться, надѣли то же бѣлье и платье и улеглись спать на полу. Папковъ изъ предосторожности легъ поперекъ двери. Утромъ предстояла посадка эшелона въ вагоны для переѣзда въ Адрианополь, и походнымъ невзгодамъ наступилъ конецъ.

Въ Адрианополь было уже совсѣмъ тепло, хотя еще по большей части пасмурно, и мы застали Великаго Князя и главную квартиру въ конакѣ, въ нижнемъ этажѣ котораго расположилось и наше наградное отдѣленіе. Къ этому времени дѣлъ у насъ накопилось множество, и мы заказали большіе деревянные столы, чтобы разложить и систематизировать ихъ; Великій Князь тутъ разрѣшилъ прикомандировать къ намъ офицеровъ, и къ намъ поступилъ поэтому Александръ Ивановичъ Роговской Московскаго полка, позднѣе бывший адъютантомъ Принца Александра Петровича Ольденбургскаго и директоромъ Правовѣдѣнія. Зачастую здѣсь армейскіе офицеры стали приходить къ намъ для выясненія правъ своихъ на награды. Дмитрій Петровичъ всѣхъ любезно выслушивалъ, но поступалъ по правиламъ и представленіямъ.

Число лицъ, приглашаемыхъ къ столу, постепенно увеличивалось, и тутъ обѣдали въ большой залѣ конака, и теперь занятый переговорами съ Намыкъ-пашей, Великій Князь не всегда выходилъ къ столу. За однимъ изъ обѣдовъ по его приказанію полковникъ Газенкампфъ вышелъ къ сидящимъ за столомъ и прочиталъ депешу Скобелева, который доносилъ, что онъ подошелъ къ Чаталджѣ—линіи послѣднихъ предъ Константинополемъ укрѣпленій, и засталъ ихъ несоединенными траншеями; пользуясь этимъ, говорила депеша,—генераль Струковъ съ кавалеріей обойдетъ ихъ ночью и будетъ атаковать ихъ въ тылъ, а самъ Скобелевъ съ фронта, и онъ надѣялся на завтра сдѣлать подступы къ Константинополю открытыми.

Другая депеша генерала Карцова извѣщала, что онъ подходитъ къ Галлиполи и что жители выходятъ къ нему навстрѣчу.

Впечатлѣніе было громадное. Великій Князь держалъ при себѣ Намыка-пашу, а самъ шелъ впередъ и близокъ былъ къ цѣли. Но на другой, кажется, день стало извѣстнымъ, что движеніе нашихъ войскъ остановлено по депешѣ, повелѣвавшей

сообразовать движеніе съ движеніями англійскаго флота, съ депешами произошли недоразумѣнія, и армія конечной цѣли не достигла. Въ главной квартирѣ говорили, что Дибичъ велѣлъ будто потопить въ Марицѣ не нужнаго ему курьера Императора Николая Павловича, что напрасно Великій Князь послушался, но ближніе ему люди возражали, что онъ далъ слово и клятву въ повиновеніи. Вскорѣ заключено было перемиріе, и братъ Александръ вернулся изъ авангарда, поселился рядомъ съ нами и передалъ Великому Князю ключи Адрианополя и бамбуковыя пики, взятые въ арсеналѣ. Позднѣе, когда братъ принялъ Уланскій полкъ, Государь велѣлъ пики эти дать полку. Весь январь прошелъ въ Адрианополѣ. Извѣстно стало, что для заключенія мира пріѣдетъ гр. Игнатьевъ, и съ его пріѣздомъ турки стали жаловаться, что съ нимъ хуже договариваться, чѣмъ съ Великимъ Княземъ.

Дни проходили за днями, но южное солнце стало преодолѣвать зиму, стало разгонять облака, людей потянуло на воздухъ. Однажды я часа въ два услышалъ, что Великій Князь со свитой ѣдетъ верхомъ на прогулку; бросить скучныя дѣла и осѣдлать Свѣтлицу было дѣломъ одной минуты, и я присоединился къ кортежу. Поѣхали въ Греческій кварталъ, кавалькада была большая, ее слышно было издали, населеніе, преимущественно женское, выходило изъ домовъ навстрѣчу, и я диву дался, сколько здѣсь было красивыхъ гречанокъ, во сколько разъ щедрѣе надѣлено это племя сравнительно съ нашимъ красотой. Походный художникъ Великаго Князя подарилъ мнѣ потомъ акварельный портретъ одной изъ нихъ, и онъ до сихъ поръ у меня въ альбомѣ.

Въ другой разъ сказали, что Великій Князь уѣхалъ на форты. Я побѣжалъ къ брату, позвалъ его, и мы, онъ на Яхонтѣ, я на Свѣтлицѣ, пустились по городу крупной рысью догонять его; за городомъ мы нашли его со свитой въѣзжающимъ въ фортъ, обращенный къ Марицѣ. Обстрѣлъ съ него былъ такой, что и для неопытнаго глаза было понятно, что къ такимъ фортамъ не подходитъ, а такихъ фортовъ было пять. Великій Князь одинъ въѣхалъ на своемъ Аксу на брустверъ и остановился въ созерцаніи вида на долину Марицы и подступовъ къ фарту. Простоявъ такъ минуты три, Великій Князь обернулся внизъ къ свитѣ и крикнулъ:

— Сашка тутъ?

Братъ на Яхонтѣ мигомъ вскочилъ къ нему.

— Что,—говорить ему Великій Князь,— не было слышно.

Много лѣтъ спустя я напомнилъ эту сцену брату и спросилъ его, что говорилъ ему при этомъ случаѣ Великій Князь, но, къ сожалѣнію, и самый эпизодъ этотъ не остался у него въ памяти, онъ ничего не могъ вспомнить и только сказалъ мнѣ: „да какая же у тебя память“! Но я твердо помню эту минуту гордости за брата и чувства благодарности къ Великому Князю, умѣвшему цѣнить заслуги своихъ кавалеристовъ.

Въ остальное время мы работали, спѣшно подвигали дѣла, и только вечеромъ меня иногда приходили звать къ Великому Князю Младшему ужинать,—у него въ то время бывали и старшіе начальники изъ разныхъ частей арміи.

Но вотъ въ одинъ непрекрасный день во время обѣда, за которымъ Великій Князь не присутствовалъ, изъ внутреннихъ его комнатъ отворилась дверь, и въ ней показалась фигура Великаго Князя, который былъ только въ рейтузахъ и въ одной рубашкѣ. Онъ видимо былъ гнѣвенъ и, порывисто окинувъ взоромъ присутствовавшихъ, онъ крикнулъ:

— Штейнъ? смѣнить караулы...

Что приказывалъ онъ дальше, я не слышалъ, ибо всѣ вскочили съ мѣстъ и поднялся шумъ, обѣдъ прервался.

Я бросился внизъ къ брату, но его уже не было, люди сказали: часа два уже, какъ уѣхали въ авангардъ. Это было въ тотъ день, когда турецкіе уполномоченные отказались отъ выговоренныхъ условій мира и вынудили Великаго Князя принять вновь рѣшительныя мѣры.

Немедленно Великій Князь выѣхалъ самъ на передовыя позиціи, мы съ генераломъ Фрезе остались опять во 2-мъ эшелонѣ въ Адрианополѣ. Когда мы вновь соединились, ординарцы рассказывали про это время слѣдующее:

Прибывъ утромъ на передовыя позиціи, Великій Князь велѣлъ вызвать парламентаря и, когда пріѣхалъ на паровозѣ турецкій паша, онъ предложилъ ему передать Мухтару-пашѣ предложеніе пропустить армію въ Санъ-Стефано.—Паша вернулся и доложилъ: что Мухтаръ-паша до сихъ поръ исполнялъ только повелѣнія Его Величества Султана.

Великій Князь, вынувъ часы, сказалъ, что если черезъ полчаса не будетъ другого отвѣта, онъ поведетъ атаку. Паша во время вернулся и доложилъ, что путь открытъ. Тогда къ вагону Великаго Князя прицѣпили платформу съ оркестромъ военной музыки, на ней развернули значекъ Главнокомандующаго, заиграли нашъ гимнъ, и по всей линіи отъ моря до моря по сигналу началось наступленіе къ Царьграду.

Турецкіе баталіоны отступали или разступались и брали на карауль. Въ Санъ-Стефано Мухтаръ шель у стремени Великаго Князя, который извинился тѣмъ, что у него нога болитъ.

Оттуда Великимъ Княземъ въ Петербургъ была послана извѣстная депеша: „Я прибылъ въ С.-Стефано по приглашенію Его Величества Султана“.

За день или два до заключенія мира, къ намъ пришла депеша: „прислать всѣ солдатскіе кресты въ Санъ-Стефано“. А. А. Фрезе велѣлъ мнѣ отвезти ихъ.

— Съ кѣмъ-нибудь нельзя, это все-таки казенное имущество,—сказалъ онъ.

Крестовъ былъ цѣлый большой ящикъ; я погрузилъ его въ отдѣльное купе и выѣхалъ въ Санъ-Стефано, куда сталъ подвозить меня поѣздъ рано утромъ 19 февраля 1878 года. Проснувшись, я увидалъ въ окна вагона чудное Мраморное море, цвѣтъ котораго столь разнится отъ другихъ морей. Къ станціи подѣхали часовъ въ семь утра. Выйдя изъ поѣзда, я тотчасъ замѣтилъ необычайное движеніе войскъ, шли лейбъ-казаки съ музыкой, спрашиваю, что такое, говорятъ—парадъ—заключеніе мира. Вотъ онъ, желанный день наступилъ. Пройдя съ версту къ мѣстечку, я увидѣлъ, что передъ домомъ, гдѣ жилъ Великій Князь, собралась почти вся главная квартира, на коняхъ стояли въ ожиданіи выхода его адъютанты и ординарцы, и всякіе чины. Я пошелъ разыскивать квартиру брата, чтобы помыться и попросить лошадь къ параду, который я непременно хотѣлъ видѣть; но лошадей его почему-то тутъ не было, и казакъ его могъ только предложить мнѣ отбитую имъ у турокъ чрезвычайно маленькую сѣрую лошадь, такую маленькую, что когда я сѣлъ на нее—то ноги мои почти касались земли.

Дѣлать было нечего, однако, и на такой лошаdkѣ присоединился я къ главной квартирѣ, ожидавшей выхода на площадь Великаго Князя. За мѣстечкомъ вся армія, подошедшая къ Константинополю, стояла въ строю—всѣ ждали, ждалъ и Главнокомандующій, часто появлявшійся въ окнѣ, но турки все мира не подписывали. Изъ дома выходили нѣсколько разъ адъютанты Орловъ и Андреевъ, шли справляться, приносили извѣстіе, что вотъ-де сейчасъ будетъ готово, но часы проходили за часами, а мира все не было. Такъ и прождали весь день голодные, но къ счастью хоть не холодные. Солнце уже замѣтно склонялось къ закату, когда наконецъ Орловъ прибѣжалъ сказать, что все готово. Великій Князь сѣлъ на коня и въ сопровожденіи всей главной квартиры поѣхалъ ша-

гомъ по улицамъ къ войскамъ; но, доѣхавъ до выѣзда въ поле, пришлось остановиться,—графа Игнатъева съ подписаннымъ протоколомъ все не было, прождали еще съ полчаса. Великій Князь, чтобы какъ-нибудь убить время, подозвалъ адъютанта Муханова и послалъ къ войскамъ. Тотъ проскакалъ, вернулся, а ѣхать все-таки нельзя было. Наконецъ въ концѣ улицы показался скачущій парный извозчикъ, въ которомъ стоялъ графъ Николай Павловичъ и махалъ фуражкой, а въ другой рукѣ онъ держалъ свертокъ бумагъ.

Я не видѣлъ момента, когда онъ подъѣхалъ къ Великому Князю; когда послѣдній началъ объѣздъ—солнце садилось; на морѣ я замѣтилъ много пароходовъ и яхтъ, пришедшихъ съ публикой изъ Босфора смотрѣть нашу армію. На своей крысѣ я ѣхалъ въ хвостѣ свиты и не могъ протискаться ближе, ибо меня затирали, и лошадь Дохтурова меня даже лягнула, попавъ къ счастью въ стремя. Когда Великій Князь кончилъ объѣздъ, наступили даже густыя сумерки, ставъ на мѣсто, онъ скомаандовалъ:

— Господа офицеры, ко мнѣ. Мои уланы ко мнѣ, — волновался онъ.

Когда его окружили въ карьеръ мчавшіеся къ нему офицеры и водворилась тишина, я услышалъ звонкимъ, далеко донесшимъ голосомъ его произнесенныя слова:

— Богъ даровалъ намъ послѣ тяжкихъ усилій блестящій миръ...

На послѣднемъ словѣ голосъ его дрогнулъ отъ слезъ, и дальнѣйшей рѣчи его я не слышалъ. Начался церемоніальный маршъ въ совершенной темнотѣ, только на фонѣ неба видны были силуэты колоннъ. „Ночной смотръ“—подумалъ я. И день мира дался намъ не легко. И армія и Главнокомандующій провели его отъ зари до зари одна—при ружьѣ, другой—при шарфѣ, въ напряженномъ ожиданіи. Ужинали въ этотъ день вмѣсто обѣда часовъ въ 11. Всѣхъ потомъ облетѣла радостная вѣсть о назначеніи Великаго Князя фельдмаршаломъ. Всѣ до послѣдняго человѣка этому были рады и ему дѣлали оваціи.

Многіе думали, что послѣ заключенія мира такъ-таки сейчасъ и поѣдутъ домой; не тутъ-то было, началось томительное Санъ-Стефанское сидѣніе, начались и тяжелыя непріятности для побѣдоноснаго Главнокомандующаго. Въ Петербургѣ стали желать, послѣ того, что выяснилась неизбежность Европейской конференціи, занятія Константинополя, котораго не желали въ январѣ. Въ мартѣ пріѣзжалъ кн. Имеретинскій, и слышно

было, что по этому поводу Великій Князь не соглашался.— И въ самомъ дѣлѣ, намъ всеѣмъ было извѣстно, что армія утомлена и разстроена; на часахъ у Великаго Князя стояли преобразенцы въ дырявыхъ, прорваныхъ шинеляхъ, полубосые, часть войскъ уже сажали на суда для отправки въ Россію, говорили, что начинаются болѣзни; изъ окна наградного отдѣленія я созерцалъ, какъ лошади за недостаткомъ фуража объѣдали кору деревьевъ, къ которымъ стояли привязанными, а турки, пользуясь дипломатической волокитой, рыли укрѣпленія, посерьезнѣ Плевенскихъ.

Въ главной квартирѣ приуныли. Почтенный военно-медицинскій инспекторъ Приселковъ, вѣроятно, больше другихъ побуждаемый къ тому лазаретами, громко ворчалъ, что мы здѣсь все пропадемъ, и что не въ Одессу уѣдемъ, а что насъ отвезутъ англичане въ Ливерпуль.

Мы жили съ братомъ на самомъ берегу моря во второмъ этажѣ дома, стоявшаго у западной оконечности Санъ-Стефанской бухты, и послѣ такой бутады почтеннаго Приселкова я обратилъ однажды подозрительное вниманіе на пароходъ, который, идя безъ флага, оставилъ курсъ на Босфоръ и приблизился къ занятымъ нашею арміею берегамъ, вѣроятно, чтобы дѣлать промѣры. Я хотѣлъ пойти сообщить объ этомъ моряку капитану Рогоулѣ, но успокоился, увидавъ, что пароходъ „Константинъ“, стоявшій тогда у насъ на рейдѣ подъ командой уже прославившагося тогда красавца-капитана Макарова, снимается съ якоря и идетъ въ кильватеръ неизвѣстному развѣдчику, который поспѣшилъ на всѣхъ парахъ уйти къ Босфору.— Говорили, что Приселкову сказано таки было больше не ворчать.

Въ началѣ марта братъ Александръ Петровичъ заболѣлъ, я не зналъ чѣмъ. Полковникъ Ильяшенко и я ухаживали за нимъ какъ могли. Александръ Леонтьевичъ Обермюллеръ приходилъ къ нему почти ежедневно и уходилъ сердитый и недовольный; оказалось, когда онъ уже сталъ поправляться, что это былъ тифъ, который началъ тогда перебирать нашу армію. Великій Князь Младшій простудился и такъ же, какъ и братъ, уѣхалъ поправляться въ Петербургъ. Въ апрѣлѣ или въ концѣ марта пріѣхалъ адмиралъ Поповъ и поселился въ нашемъ домѣ съ ординарцемъ своимъ мичманомъ Саксомъ. Адмиралъ часто и долго диктовалъ своему мичману и только изрѣдка выходилъ къ намъ въ общую комнату. Ближе познакомившись со мною, онъ однажды, принявъ таинственный видъ, сталъ говорить про

посадку войскъ не въ Санъ-Стефанской бухтѣ, а въ Буше-Дере, что-то про кавалерію и наконецъ кончилъ словами:

— Напишите брату, чтобы сейчасъ ѣхалъ, онъ мнѣ нуженъ.

Догадавшись, что почтенный адмиралъ проектируетъ планъ захвата Константинополя съ Босфора, и зная всю неосуществимость этой затѣи, я отвѣтилъ, что по моему письму братъ не пріѣдетъ и что если онъ дѣйствительно нуженъ, то есть кому его вызвать.

Адмиралъ былъ въ дѣйствительности вторымъ посланнымъ лицомъ для уговоровъ Великаго Князя брата Константинополь. Наша дипломатія не умѣла открыть картъ Лондонскаго кабинета и дѣйствовала съ опозданіемъ на добрыхъ три мѣсяца.— Россія можетъ быть только благодарна Великому Князю, что онъ на эти уговоры не поддался, ибо успѣхъ кампаніи былъ бы скомпрометтированъ. Да и къ чести ли русскаго оружія было бы напасть исподтишка, замирившись; для этого нуженъ былъ другой Главнокомандующій, не такой рыцарь, какимъ былъ Великій Князь.

Всѣ эти обстоятельства разстроили его здоровье, уже утомленное напряженіемъ всей войны, проведенной имъ послѣ тяжелой болѣзни. Мы его стали рѣже видѣть, онъ не выходилъ къ столу и уходилъ нѣсколько разъ на „Ливадію“ для стоянки въ Золотомъ Рогѣ, куда раза два мы ѣздили съ докладомъ. Наконецъ пріѣхалъ третій посланный гр. Тотлебенъ, и по главной квартирѣ пронесся слухъ, что Великій Князь уѣзжаетъ.—Уныніе, сожалѣніе о немъ были общими.

Я объявилъ А. А. Фрезе и Роговскому, что, будучи командированъ въ личное распоряженіе Великаго Князя, я буду проситься ѣхать съ нимъ, и они обѣщали не сердиться, если я добьюсь и ихъ вызова въ Петербургъ для окончанія дѣлъ тамъ, что мнѣ и удалось исполнить.— Но уѣхать мнѣ оказалось не такъ легко; никто, ни генералъ Галль, ни даже ближайшіе адъютанты не брались доложить обо мнѣ Великому Князю, который былъ съ пріѣзда Тотлебена не въ духѣ, огорченъ и никого не принималъ. Исчерпавъ всѣ пути съ неудачей, я рѣшился пойти къ нему самъ. Камердинеръ Зернушкинъ докладываться мнѣ не посовѣтовалъ, а вотъ, говоритъ,—скоро пойдетъ завтракать, то подождите на лѣстницѣ. Такъ я и сдѣлалъ. Стоялъ довольно долго. Наконецъ отворилась дверь, и по лѣстницѣ сталъ спускаться Великій Князь, онъ былъ необычайно серьезенъ, и обычной привѣтливости

замѣтно не было. Увидавъ меня, онъ не останавливаясь и не подавая, какъ обычно, руки, коротко спросилъ:

— Что тебѣ?

— Прошу позволенія ѣхать съ вами,—отвѣтилъ я.

— Да, конечно,—сказалъ онъ,—скажи Ефимкѣ.

Ефимка — это значило генералъ Ефимовичъ, помощникъ гофмаршала, распорядившійся посадкой на „Эрикликъ“ и „Ливадію“. Я побѣжалъ къ Ефимовичу, который сказалъ:

— Хорошо, Анаша, вы поѣдете съ ординарцами, съ Березкинѣмъ и священникомъ на „Эрикликъ“, садитесь рано утромъ до парада.

На другой день Великій Князь на парадѣ прощался съ войсками. Говорили потомъ, что всѣ, кто только могъ, провожали его на пристань и что многіе закаленные бояки офицеры плакали, когда онъ садился въ катеръ. Когда „Ливадія“ часа въ четыре выходила съ нимъ въ Золотой Рогъ, мы на „Эрикликъ“, послѣ отслуженнаго утромъ на палубѣ молебна, снялись съ якоря и пошли въ Одессу.

Налюбовавшись красотами Босфора, мы въ сумерки вошли въ Черное море и попали въ мертвую зыбь. „Эрикликъ“ бросало такъ, что по каютъ-компаніи нельзя было пройти, не попадешь въ дверь. Священникъ нашъ, отче Иосафатій, какъ звалъ его Великій Князь, очень тревожился и всю ночь ходилъ по палубѣ. Я пошелъ въ каюту и почувствовалъ приступы морской болѣзни, легъ и моментально уснулъ. Проснувшись утромъ, я увидѣлъ, что море стихло и что мы стоимъ на мѣстѣ. Спѣшить было некуда, нагрѣлся подшипникъ, и мы его остуживали. Въ одесскомъ портѣ мы ошвартовались у того мѣста, гдѣ должна была стать „Ливадія“, и стали ее ожидать. Какъ только показалась яхта на горизонтѣ, загремѣли салютомъ сначала береговья батарея, потомъ весь портъ; когда яхта проходила мимо насъ, мы выстроились во фронтъ по борту и взяли руки подъ козырекъ; вся закрытая дымомъ шла мимо насъ тихо яхта, почти невидимая, но вотъ клубы дыма нѣсколько разсѣялись, и на лѣвомъ козухѣ мы увидали стройную, красивую фигуру нашего витязя, отдававшего намъ честь. Мы закричали „ура!“

Въ одесскомъ соборѣ архіепископъ встрѣтилъ Великаго Князя прекраснымъ словомъ, произведшимъ глубокое впечатлѣніе. Великій Князь обѣдалъ, кажется, у Воронцова, а мы, мелкота, въ Европейской гостиницѣ, и очень вкусенъ показался обѣдъ, послѣ походной кухни. Вечеромъ сѣли въ поѣздъ; маршрутъ

былъ указанъ западными дорогами. Дорогой мнѣ пришлось говорить съ Великимъ Княземъ, онъ былъ уже спокоенъ и, какъ всегда, ласковъ. Въ своемъ вагонѣ мы пѣли, всѣ были веселы, и помнится, Великій Князь Младшій все заставлялъ пѣть хоромъ: *galliant guerrier sur la terre étrangère combattre cet ou plaisir.*

Въ Петербургѣ была встрѣча. Почетный караулъ былъ отъ уланъ, которыми тогда уже командовалъ братъ, и онъ былъ на флангѣ. Государь пріѣхалъ навстрѣчу въ уланскомъ мундирѣ, и братъ говорилъ, что, проходя мимо и обдергивая фалды своего мундира, Государь сказалъ, что не узнаетъ себя въ этой формѣ. Помѣщаясь въ дальнемъ вагонѣ, я не видѣлъ встрѣчи, которая, говорили, волновала Великаго Князя. Извѣстно стало и всѣ это видѣли, что Государь провезъ Великаго Князя въ Казанскій соборъ и въ Зимній дворецъ; но что сказалъ ему Государь, осталось извѣстнымъ только очень близкимъ ему людямъ и болѣе широкимъ кругамъ стало извѣстнымъ только изъ записокъ генерала Скалона.

Когда поуспокоились, я пошелъ къ генералу Непокойчицкому проситься въ отпускъ, чтобы навѣстить батюшку въ Екатеринославѣ. Артуръ Адамовичъ очень удивился, что я считаю себя еще зависимымъ отъ него и Великаго Князя, но я доложилъ ему, что не считаю свою командировку оконченною, что Великому Князю мы успѣли доложить наградныя дѣла только до взятія Софіи и что послѣдующія дѣла подлежатъ по всей справедливости докладу не новому главнокомандующему, и что для ихъ окончанія надлежало бы вызвать полковника Фрезе и капитана Роговскаго.

— Хорошо,—сказалъ Артуръ Адамовичъ,—я доложу Великому Князю, придите послѣ завтра.

Черезъ день я получилъ отпускъ, а отдѣленіе было скоро вызвано въ Петербургъ и по возвращеніи моемъ я все лѣто еще работалъ съ А. А. Фрезе и Роговскимъ въ старыхъ Московскихъ казармахъ.

Лѣтомъ мы съ Александромъ Александровичемъ повезли большой докладъ къ Великому Князю въ Чесменку, гдѣ онъ тогда жилъ. Великій Князь обрадовался намъ, принялъ ласково, велѣлъ расписаться въ книгѣ, утромъ показывалъ лошадей, а послѣ обѣда принялъ докладъ. Но его жаль было видѣть, онъ былъ въ опалѣ, подъ неудовольствіемъ по крайней мѣрѣ, да и самъ онъ этого не скрывалъ. Хотя онъ обычно не курилъ, но тутъ онъ развернулъ шелковый красный кисетъ и, закуривъ маленькую трубочку, сказалъ:

- Вотъ опальный фельдмаршалъ, это мнѣ подарилъ Токагама. Онъ такъ называлъ японскаго военнаго агента, полковника Ямазака, бывшаго въ походѣ при главной квартирѣ. Великій Князь въ эти дни не зналъ даже о возвращеніи гвардіи въ Россію, и мы привезли ему первые объ этомъ извѣстіе.

Во время доклада А. А. Фрезе докладывалъ, между прочимъ, что по сравненію съ офицерами, бывшими въ отдѣленіи, и мнѣ слѣдуетъ вторую награду, но что я отъ нея отказываюсь, чтобы не вызывать нареканій. Я сидѣлъ на балконѣ, они въ комнатѣ.

— Анашка дурашка, закричалъ Великій Князь и подписалъ представленіе къ Станиславу 2-й степени съ мечами. По возвращеніи въ Петербургъ, Артуръ Адамовичъ нашелъ, что это лишнее, что опять скажутъ, что Великій Князь награждаетъ своихъ любимчиковъ. Своя рука владыка,—я этого представленія въ ходъ не пустилъ. Во время доклада Великій Князь велѣлъ мнѣ написать письмо военному министру о сохраненіи за нимъ права награжденій до извѣстныхъ степеней, какъ во время похода, и когда я его изготавилъ—подписалъ и сказалъ Фрезе, что я все время хорошо служилъ. По окончаніи доклада Великій Князь извинился, что ему надо уѣхать въ сосѣднюю усадьбу, простился съ нами, благодарилъ, поцѣловался и, сѣвъ въ желтый вѣяскій брекъ, запряженный четверикомъ вороныхъ лошадей, уѣхалъ, крикнувъ мнѣ:

— Кланяйся сыновьямъ.

Осенью 78 года, закончивъ дѣла, мы откланивались Великому Князю, онъ благодарилъ насъ: „Спасибо за службу“, мы—его, что позволилъ послужить при себѣ.

Я слышалъ отъ людей достовѣрныхъ, что Великому Князю такъ и не удалось объясниться съ Государемъ до его кончины, онъ говорилъ объ этомъ съ сокрушеніемъ. Очень, вѣроятно, дурные люди сумѣли внушить недовѣріе къ Великому Князю. Я слышалъ, что надъ нимъ троекратно назначились разслѣдованія, прекратившіяся будто тогда только, когда пользовавшійся репутаціей неподкупной, высокой честиности генералъ-адъютантъ Глинка-Мавринъ доложилъ, что Великій Князь такой же рыцарь, и что надъ рыцаремъ онъ слѣдствія вести не можетъ. Но невольныя недоразумѣнія и ошибки современниковъ исправляются всеисцѣляющимъ временемъ, и отрадно видѣть, что правда на свѣтѣ свое беретъ и что Великому Князю создается заслуженный имъ памятникъ.

А. С.